

МСТИСЛАВ РОСТРОПОВИЧ:

«ОБОЖАЮ ЛЮДЕЙ И НАДЕЮСЬ НА ВЗАИМНОСТЬ»

Кн. обозрение — 1999 — 12 янв. — с. 5

— Слава, ходят легенды по поводу вашего уникального таланта дружить, любить. Причем порой в вашем кругу оказываются абсолютно разные люди. И каждая подобная встреча дарит им как минимум хорошее настроение. Интересно, обратная реакция для вас имеет значение или все, что вы делаете, так сказать, безвозмездно?

— Скажу вам правду, — я обожаю людей и надеюсь на взаимность. И вообще, не нахожу для себя ничего более радостного в жизни, как жить среди людей. Когда я вижу людей, мне все кажется своим. Для меня великая радость что-то сделать для людей хорошее. Для меня не существует никакого деления людей на хороших и плохих. И, если откровенно, мне все равно, где я это хорошее людям делаю — в Японии, Бразилии, Москве или Оренбурге, где недавно благодаря нашему с Галей Фонду помощи педиатрии в России открылся реабилитационный центр. Оренбург связан в моей судьбе с моей мамой, которая там родилась. В Оренбурге в годы войны умер мой отец, когда мы оказались в эвакуации. Мне было тогда 14 лет, и я вынужден был зарабатывать на хлеб для мамы, сестры и себя уроками. А позже — игрой в маленьких оркестрах.

Кстати, когда я первый раз организовал благотворительный концерт в фонд строительства Храма Христа Спасителя, не всем это понравилось. А 300 тысяч долларов я внес — на строительство!

В почетный комитет нашего Фонда я пригласил известных людей, которых хорошо знаю: Картер и Рейган, Хельмут Шмит и леди Тэтчер (без женщины у меня не обходится ни одно дело, даже если это дело лишь Фонда). Прошлой зимой нас с Галей пригласили в Нижегородскую губернию в деревню Вача на открытие нашей больницы для новорожденных и мам. Если бы вы знали, какие прекрасные, искренние и простые люди там живут! Я очень горжусь тем, что первого мальчика, родившегося в новой больнице, назвали в честь меня Славой. Я очень верю, что будущее России за провинцией. А дети на деревне — откровение для всего мира. На Западе человек не является загадкой. У нас дети еще могут поразить. Но им надо помочь выжить. Клиника в Ваче — смысл нашей жизни. Поэтому мы сознательно помогаем именно детям — тем, от которых в следующем столетии будет зависеть, какой станет страна.

Огромная программа ведется нами в Петербургской педиатрической академии. Мы благодарны нашим замечательным американским друзьям из крупнейших медицинских компаний: они установили уникальное оборудование — гигантскую систему по очистке воды. Знаете ли вы, что в Петербурге вода чайного цвета? И ее вынуждены пить больные дети! А наша вода — голубая и чистая настолько, что на ней можно готовить лекарства! Большую помощь академии по линии нашего фонда оказывают и американские врачи. Они встречались с нашими врачами из Оренбурга и Вачи и обучали работе на суперсовременном медицинском оборудовании. Всего (я подсчитал) мы вложили в наше дело более 8

ЕГО НАЗЫВАЮТ «Гражданин Мира», «Завоеватель музыкальной Вселенной», «Великий гармонический деятель»... Он стал любимцем королей и президентов — и одновременно миллионов людей во всех уголках планеты. Космическая энергетика и артистическая аура личности МСТИСЛАВА РОСТРОПОВИЧА вовлекла в водоворот самопознания и приобщения к высокому искусству тысячи людей. Поистине, он завоевал мир своим смычком — так, как раньше наши предки брали шпagoю города. Хотя бы потому, что каждый год проводит до 30 благотворительных концертов.

На рубеже тысячелетия, когда на смену эры

миллионов долларов — я сам проверяю все счета.

— Вы сказали, что в принципе вам все равно где, в какой стране помогать людям. Означает ли это, что вы до сих пор в обиде на Россию, которая лишила вас гражданства?

— Ни в коем случае. Во-первых, не страна в этом виновата, а коммунистический режим. А во-вторых, я давно простил. У меня нет врагов. Когда в 1990 году я впервые после 16-летнего изгнания возвращался на Родину, в газетах стали публиковать материалы из архивов КГБ обо мне и моей жене. Среди этих документов были письма против нас, подписанные моими коллегами. Знаете, я был страшно недоволен — я не хотел этого читать и этого знать, потому что этим людям трудно теперь смотреть мне в глаза. А я всех простил заранее. Пусть они сами для себя решат: правы ли они были или виноваты. Заявляю официально: никому и никогда не удастся меня поссорить с Россией, сколько бы грязи на мою голову не лили.

— Так что же, эти люди не могут пережить того, что вы — гениальный музыкант. К тому же не записали с тоски вдали от Родины, а блестяще осуществили свою артистическую карьеру. Заработали своим адским трудом богатство, а теперь еще и России помогаете.

— Вот именно. Не могут пережить счастье человека. В России счастливый человек вызывает неизменный вопрос: почему счастлив он, а не я? Это большевикизм чистой воды. Мы с Галей купили дом в Петербурге для нашего архива. Нам предлагали в Америке, но мы решили, что, когда нас не станет, все должно вернуться в Россию. Не хотелось бы сознавать, что когда-нибудь после нас это все будет распродано по родственникам и аукционам, чтобы, к примеру, будущий зять моей внучки Настасьи не сказал: «А что это за какая-то партия Шостаковича? Говорят, пару листов ее можно обменять на ролс-ройс...» Мы должны с Галей себя обезопасить. В архиве есть действительно бесценные вещи: пять картин Шагала, мой портрет, написанный Сальвадором Дали, подарок Пикассо, письма Чарли Чаплина, 60 писем Шостаковича, 40 — от Прокофьева, партитуры с их дарственными: мне и Гале посвященными.

Так вот, в этом доме в Санкт-Петербурге нам принадлежат два из трех этажей. На третьем живут три семьи, у которых отдельные квартиры (потому они

не захотели уезжать). И слава Богу — нам веселей. А остальным, жившим в чудовищных условиях коммуналок, мы купили около сорока отдельных квартир. В общей сложности нам эта

затяла обошлась в миллиона полтора долларов. И вот однажды ночью я сижу в кабинете, мне звонит охрана, просит спуститься вниз. Смотрю, приехала милиция и составляет протокол на какого-то мужика с лопатой, который разбил нам в архиве два бронированных окна. Я его спрашиваю: «Скажите, почему вы это сделали?» «Из зависти», — сказал он мрачно. «Все ясно, пожалуйста», — обратился я к милиции, — «никакого протокола не надо. Он признался». Кстати, до моего прихода, объясняя свой поступок милиционеру, этот человек недоумевал: «Почему у Ростроповича дом такой красивый, а у меня комната в коммуналке?» На что милиционер ему резонно возразил: «Потому что Ростропович — великий человек, а ты — говно». Конечно, этот мужик думает наоборот...

— Ваши враги, наверное, ощущают к вам классовую, генетическую неприязнь. Вы же графского рода?

— Хорошо, что об этом не было известно в свое время коммунистам. Дал бы я им тогда работы... Да и сам я об этом узнал недавно. В Петербурге

Рыбы приходят эра Водолея, музыка и ее жрецы начинают влиять на общество не меньше, чем художественное слово и его мастера (вспомним один только концерт Маэстро на Красной площади в Москве!). Поэтому все упреки Маэстро во всеядности, в превращении им фактов своей биографии в некое политическое шоу беспочвенны и пусты: таков его природный темперамент и прирожденный вкус ко всему экстраординарному, экстравагантному, что является признаками абсолютно артистической личности. Таков уж он — «Неистовый Мстислав». Или — Слава (как любит Маэстро, не терпящий никакого официоза, чтобы к нему обращались).

мне принесли замечательную книгу, из которой следует, что еще в 80-м году прошлого века царь Александр II присвоил титул графа моему прадеду из Варшавы — Ганнибалу Ростроповичу. Под Варшавой есть усадьба моих предков, превращенная в коммуны. Но ничего, опыт расселения коммуналок у меня уже есть... Хорошо было бы создать в этой усадьбе академию виолончели, я бы приезжал туда проводить мастер-классы.

— Вы отказались от какого-либо гражданства даже после того, как вам было официально возвращено гражданство России. И где теперь ваш дом?

— Раньше мой дом в Жуковке был самым большим. А вчера я поехал — ух, сколько там понастроили!.. Против моей дачи теперь большие, роскошные дома. Точнее не дома, а дворцы... Когда есть жилье в Вашингтоне, Лозанне, Лондоне, Париже, Финляндии, когда так много всяких «жилищ», то «дома» нет нигде... Такое ощущение поселилось во мне после лишения меня гражданства на моей Родине... Теперь Земля — мой дом! И скоро мы все будем «земляне»! Знаете, это дает мне возможность смотреть на жизнь несколько

философски. Раньше из деревни в деревню дорога занимала уйму времени. Какой-нибудь Ваня запрягал лошадь с утра, чтобы поехать к своей Любе в соседнюю деревню... Сегодня «Боинг» летит из Парижа в Нью-Йорк три с половиной часа. Покушал — и уже другой климат. Однажды я даже пошутил и написал в завещании Вишневецкой: «Если я умру в Париже, немедленно надо взять частный самолет, посадить туда друзей и вместе с моим трупом отправить в Нью-Йорк». Потому что я бы хотел прилететь в Нью-Йорк на два часа раньше своей смерти. Ведь мы вылетим из Парижа в 11 часов, а прилетим в США в 8 часов 45 минут того же дня... Кстати, привычка писать завещания мне передалась от Прокофьева. Когда мне было 20 лет и я куда-то далеко уезжал, он меня как-то спросил: «А вы, Слава, завещание написали?» Я засмеялся: «Сергей Сергеевич, мне же 20 лет, рановато еще». На это он мне ответил: «Я первое свое завещание написал, когда мне было 16 лет. С тех пор я только дописываю. Когда вам исполнится много лет, первое завещание вам будет написать трудно».

— Вы прославились своим необычайным талантом блестящего рассказчика и шутника...

— Расскажу вам такую историю. С Исааком Стерном, французским флейтистом Жан-Пьер Рампалем и музыкальным мастером Ватто мы всегда все свои юбилейные дни рождения празднуем вместе. Когда у Стерна был юбилей, мне позволили из Сан-Франциско: «Сыграйте, пожалуйста, на виолончели «Лебедя» Сен-Санса». — «Зачем?» Дело в том, говорят мне, что Грегори Пек будет читать под «Карнавал животных» текст, переделанный под биографию Стерна. Я ответил, что приеду только в том случае, если они ко мне в Вашингтон пришлют портного, который сошьет мне балетную пачку и колготки. Они приехали, привезли мне балетные туфли 43-го размера, обмерили меня. Я пригласил двух балерин для консультации... По моему сценарию, первую виолончель надо было изъять каким-то образом из оркестра. Я придумал мизансцену: «Когда Пек начнет читать, — говорю первой виолончели, — ты сделаешь вид, что у тебя внезапно схватило живот. Встань на четвереньки и уползи». Он выполнил это настолько блестяще, что к нему сразу побежали два врача. В углу сцены заранее поставили ящик с тертой канифолью. Я вышел спиной к залу, лицом к оркестру. Оркестр, увидев мою рожу, повалился со смеху: у меня была диадема в волосах, наклеенные ресницы, грим. А публика не смеялась. Потому что все решили: мало ли что, может, это какая-то старая кляча-балерина, подруга Стерна. Я дошел до ящика спиной, встал туда, потер ноги канифолью, потом сел за виолончель и сыграл «Лебедя». С Айзеком, говорят, было плохо от смеха.

— Вы, очевидно, один из счастливейших людей в мире. Своим гениальным талантом и титаническим трудом создали себя таким, каким вас знает сегодня весь мир. Есть ли что-то в вашей жизни, что вас беспокоит сегодня?

— Я действительно фантастически счастливый человек. У меня красавица жена: вот уже 41 год мы вместе. У меня шесть прекрасных внуков. Дочери — Ольга и Елена — умницы-красавицы. Что еще человеку нужно? Мой концертный календарь расписан до 2000 года. Вот я так и живу в соответствии с этим расписанием. Я в отпуске не был 30 лет. Попробовал взять первый отпуск два года назад и уехал на остров Крит в Греции. Должен вам признаться, я так мучился на этом острове. Теперь дал себе зарок — до конца жизни никаких отпусков! Но при этом я продолжаю уже лет двадцать мечтать сесть в автомобиль вместе с Галей, спросить ее: «Галя, куда ехать?». — И она ответит: «Поезжай пока прямо...» А потом скажет: «Может, повернем налево?» А потом где-нибудь остановимся... Может быть, в жизни я еще разыщу такие денечки. Хочу пожить несколько дней сплошной импровизацией.

Беседовал
Александр ЩУПЛОВ.

На фото: Мстислав Ростропович с Галиной Вишневецкой.

Ростропович Мстислав

12.4.99.